

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ PROBLEMA PRINCIPALE

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.133-143

М. А. Малина*

Концептуальные основы позитивной ответственности: правовой аспект

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические подходы к пониманию феномена правового государства и определению его сущностных характеристик, выявляются достоинства и недостатки наиболее распространенных точек зрения ученых в рамках научного дискурса, посвященного идее построения правового государства и возможности ее реального воплощения в жизнь. Обосновывается вывод о том, что в правовом государстве связанность власти законодательными предписаниями не может и не должна быть самоцелью, такое ограничение необходимо для полноценного обеспечения прав и свобод гражданина, когда само государство реально признает высшую ценность прав человека, признает их приоритет. При этом обращается внимание на то, что даже наличие максимально широкого спектра возможностей для реализации личностью своих прав и свобод не гарантирует возникновения желания, стремления реально воплотить их в жизнь, не является залогом инициативного, ответственного правового поведения граждан.

Предлагается введение еще одной сущностной характеристики правового государства: его граждане самоопределяют, осознают себя в качестве носителей позитивной юридической ответственности. Исследуются основные аспекты научной дискуссии о ее сущностных характеристиках и месте как в рамках юридической ответственности, так и в правовой плоскости в целом. Обосновывается точка зрения, согласно которой в структуре юридической ответственности полноправное место занимает ее позитивная составляющая. Это движущая сила для добросовестных участников правоотношений, при этом к юридической плоскости она привязана через правосознание, опирается здесь на него. Предлагается рассматривать позитивную юридическую ответственность в качестве формы воплощения в жизнь развитого, зрелого правосознания личности и показывается ее практическая значимость на примере суда с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: правовое государство; справедливость; государственная власть; социальная ответственность; юридическая ответственность; позитивная ответственность; негативная ответственность; правосознание; правовая психология; правовая культура; правовое воспитание; суд с участием присяжных заседателей.

Для цитирования: Малина М. А. Концептуальные основы позитивной ответственности: правовой аспект // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 7. — С. 133–143. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.133-143.

© Малина М. А., 2023

* Малина Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета
ул. М. Горького, д. 88, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002
bestar@yandex.ru

Conceptual Foundations of Positive Responsibility: Legal Aspect

Maksim A. Malina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Southern Federal University
ul. Maksima Gorkogo, d. 88, Rostov-on-Don, Russia, 344002
bestar@yandex.ru

Abstract. The paper examines the main theoretical approaches to understanding the phenomenon of the rule of law and determining its essential characteristics, identifies the advantages and disadvantages of the most common points of view of scientists within the framework of scientific discourse devoted to the idea of building a rule of law and the possibility of its real implementation. The author concludes that in a state governed by the rule of law, the binding of power by legislative prescriptions cannot and should not be an end in itself, such a restriction is necessary to fully ensure the rights and freedoms of a citizen, when the state itself really recognizes the highest value of human rights, recognizes their priority. At the same time, attention is drawn to the fact that even the availability of the widest possible range of opportunities for a person to exercise his rights and freedoms does not guarantee the emergence of a desire, an aspiration to actually implement them, is not a guarantee of proactive, responsible legal behavior of citizens.

The author proposes to introduce another essential characteristic of the rule of law: its citizens are self-determined, aware of themselves as bearers of positive legal responsibility. The main aspects of the scientific discussion about its essential characteristics and place both within the framework of legal responsibility and in the legal plane as a whole are investigated. The point of view is substantiated, according to which its positive component occupies a rightful place in the structure of legal responsibility: this is the driving force for bona fide participants in legal relations, while it is tied to the legal plane through legal awareness, it relies on it here. It is proposed to consider positive legal responsibility as a form of realization of a developed, mature legal consciousness of a person and its practical significance is shown by the example of a trial with the participation of jurors.

Keywords: rule of law; justice; state power; social responsibility; legal responsibility; positive responsibility; negative responsibility; legal awareness; legal psychology; legal culture; legal education; trial with the participation of jurors.

Cite as: Malina MA. Kontseptualnye osnovy pozitivnoy otvetstvennosti: pravovoy aspekt [Conceptual Foundations of Positive Responsibility: Legal Aspect]. *Lex russica*. 2023;76(7):133-143. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.200.7.133-143. (In Russ., abstract in Eng.).

В настоящее время, пожалуй, каждое государство стремится создать наиболее благоприятные условия для жизни его граждан, для полноценного развития, совершенствования общественных отношений. Это своего рода аксиома: сегодня идеи демократии, гуманизма, справедливости находят свое воплощение в разнообразных формах государства и соответствующих национальных правовых системах на политической карте мира, то есть в идеологическом ключе можно говорить о явной телеологической конвергенции.

При этом для правильного, справедливого устройства общественной жизни необходимо найти некий баланс, если угодно, гармонию в отношениях государства и личности. И не только миссия самой власти, но и усилия каждого конкретного человека здесь очень важны. На самом общем уровне основная задача заключается в правильном определении вектора развития отношений государства и его граждан, их полноценного взаимодействия, вида и меры

их взаимной ответственности. В этом деле у каждой страны уже своя история и свой путь.

Представляется, что в современной России основным лейтмотивом здесь выступает идея построения правового государства, получившая свое конституционное закрепление. То есть несмотря на то, что в первой же статье Конституции Российской Федерации наша страна уже названа правовым государством, воспринимать этот постулат представляется правильным как цель, нежели как свершившийся факт. При этом следует отметить, что данное понятие не только вызывает научный интерес в отечественной правовой доктрине, но давно находится под пристальным вниманием ученых всего мира. Может быть, отчасти поэтому на сегодняшний день нет единого подхода к пониманию идеи правового государства. Вследствие ее конституционного статуса в правовой системе нашей страны представляется необходимым уделить внимание вопросу о сущности этого феномена. Итак, что же такое правовое государство?

Еще в античном мире зародилась мысль о необходимости построения взаимоотношений человека и власти на началах справедливости. Древнегреческие философы ключевую роль здесь отводили праву, закону. Так, Солон видел в законе двуединое начало — соединение силы и права¹. Это, так сказать, сила права, а не право силы. Платон указывал на господство законов в полисе и называл закон владыкой над правителями². То есть право признается публичной властью в качестве общеобязательного закона. При этом сама государственная власть в своих проявлениях ограничена правом и действует в соответствии с правом, что является важнейшей гарантией справедливости принимаемых ею решений.

В дальнейшем эти идеи получили глубокую доктринальную разработку мыслителями разных эпох, рождались и развивались разнообразные учения о правовой государственности. Так, в политико-правовой мысли XIX и XX вв. сформировалось очень влиятельное направление — юридический позитивизм (А. Дайси, Г. Еллинек, Р. Иеринг, А. Эсмен, Г. Кельзен и др.). В целом позиция ученых в определении сущности правового государства сводилась к необходимости самоограничения власти позитивным правом, которое само государством и создается. Важно отметить, что право и закон не различались, это были категории тождественные: право — это и есть установленные государственной властью нормы. Последнее положение подвергалось серьезной критике, так как необязательность учета государством естественных прав человека создавала благодатную почву для произвола власти, причем произвола легального. По большому счету, это лишало смысла саму идею о законодательном самоограничении государства, переводило ее в большей степени в формальную плоскость.

Что касается соответствующего научного дискурса в современный период, то обобщить существующие точки зрения можно следующим образом.

Государство может называться правовым, если нормотворческий процесс учитывает,

опирается на основные базовые ценности общества, нормы права создаются и упорядочиваются таким образом, чтобы максимально исключить произвол власти. В этом случае государство ограничено, связано правом. При этом должны быть разработаны все необходимые механизмы для осуществления конституционного контроля справедливости законов, так сказать, в действии, на практике³.

Следует отметить, что такое понимание сущности правового государства позволяет воспринимать право не только в качестве регулятора общественных отношений, но и как важнейший инструмент обеспечения доброкачественной реализации государственной власти. Как верно отмечал Е. А. Воротилин, для справедливого воздействия на социальные отношения государство конституирует себя законодательным путем⁴. Например, применительно к нашей стране представленную современную модель правового государства уже сложно критиковать в привычном антипозитивистском ключе, так как Конституция РФ в духе естественно-правовых начал провозглашает прирожденные и неотчуждаемые права человека высшей ценностью (ст. 2, 17, 18 и др.). Соответственно, этот аксиологический императив является основой и вместе с тем важнейшим ориентиром в деле построения и развития отечественной системы законодательства, обеспечивается при этом надлежащими механизмами конституционного контроля правовых норм.

Аргументы критиков представленного подхода можно кратко свести к следующим утверждениям.

Во-первых, наличие в развивающихся государствах систем права, выстроенных даже по европейскому образцу, а равно и соответствующих процедур проверки конституционности законов, отнюдь не позволяет называть их правовыми (если ориентироваться на мировые стандарты). В этом ключе интерес представляет и тот факт, что, согласно рейтингу Всемирного банка, оценка состояния правового государства в России достаточно скромна — на уровне африканских государств. Расчет соответствующих показателей основан на результатах оценки

¹ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 288–289.

² Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1990–1994. Т. 4. С. 167.

³ Антонов М. В. Об определении понятия «правовое государство» // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 3. С. 132–133.

⁴ Воротилин Е. А. Идеи правового государства в истории политической мысли. М., 1993. С. 33–34.

населением эффективности работы судов, полиции, состояния преступности и др.⁵

Во-вторых, идея о неукоснительном подчинении власти требованиям позитивного права (в духе классического этатистского подхода) вполне предполагает возможность государства преодолеть границы своих полномочий, расширить их — для этого стоит лишь предварительно внести соответствующие нормативные изменения в систему писаного права. Действительно, государство ограничивает само себя, следуя им же созданным правилам. Что тогда мешает ему эти правила скорректировать и расширить сферу дозволенного?⁶ Следует только, как отмечал известный философ права Дж. Уолдрон, соблюдать установленные процедуры изменения законодательства и уведомить об этом граждан заблаговременно⁷.

Очевидно, что приведенные доводы действительно существенны и требуют научного осмысления. Представляется, что ключевым аспектом исследуемого вопроса о сущности правового государства является идея о *связанности* государственной власти правом. Рассмотрим ее более подробно применительно к изложенным выше замечаниям в адрес современной модели правового государства.

В отношении низкой оценки качества деятельности институтов государственной власти (полиции, судов и др.) в развивающихся странах следует понять: не является ли причиной соответствующих недостатков как раз отсутствие или неполнота реальной связанности государства национальным правом, не имеем ли мы здесь дело лишь с положениями сугубо декларативного характера? Этот вопрос позволяет посмотреть на проблему под иным углом: речь следует вести не столько о несостоятельности самой идеи правового государства, сколько о сложностях ее реального воплощения в жизнь в каждом конкретном случае. По нашему мнению, высокий уровень коррупции, преступности в развивающихся странах свидетельствует как раз об этом. Ясно, что процесс самоограничения власти чрезвычайно сложен, долг и многогранен. В некотором смысле он

даже противоречив: для власти как раз более органично расширение своего влияния, это, если угодно, природная особенность данного феномена. Именно поэтому так важно в первую очередь обеспечить законность в сфере действия самой политической власти. Успеха здесь можно достигнуть только при последовательном проведении активной, масштабной работы по повышению уровня правовой культуры, правосознания граждан (прежде всего профессионального), правовому воспитанию государственных служащих. Должное внимание необходимо уделить вопросам правового просвещения последних, этического регулирования их деятельности. Собственно говоря, эти задачи актуальны не только для развивающихся государств, вряд ли сегодня об их полноценном решении может искренне заявить и какая-либо западноевропейская держава.

Далее рассмотрим второе замечание — о возможности преодоления государством им же самим созданных нормативных ограничений и расширения своих полномочий. Для этого в отношении самой идеи правового государства следует на концептуальном уровне внятно определить, зачем же нужно это самоограничение власти, в чем его цель.

Применительно к нашей стране ответ на этот вопрос можно получить в результате системного толкования конституционных положений о правах человека и о принадлежности власти российскому многонациональному народу (ст. 2, 3, 17 Конституции РФ и др.). Права и свободы человека являются высшей ценностью, они неотчуждаемы, принадлежат каждому от рождения и должны признаваться и соблюдаться прежде всего самим государством. Обязанность эта вытекает из постулата о том, что народ — это носитель суверенитета и единственный источник власти в стране. Поэтому во взаимоотношениях государства и личности приоритет имеет именно человек. Именно для него, для полноценной реализации им своих прав и свобод создается правовой режим ограничения государственной власти, направленный на исключение любых предпосылок ее воз-

⁵ Антонов М. В. Указ. соч. С. 130.

⁶ Отметим, что данный подход во многом сформирован в известном антипозитивистском духе. Выше было показано, что вопрос учета в позитивном праве естественно-правовых ценностей сегодня уже не столь актуален благодаря их закреплению в конституциях демократических государств и контролю конституционности законов. Поэтому соответствующие суждения будут рассмотрены с акцентом на самой идее о самоограничении государства.

⁷ Waldron J. The Concept and the rule of Law // Georgia Law Review. 2008. Vol. 43. № 1. P. 6.

можного произвола. Еще А. Эсмен в свое время метко подчеркнул, что «индивидуальные права представляют все одну общую черту: они ограничивают права государства»⁸.

Полагаем, что в решении исследуемого вопроса большой научный интерес представляет позиция А. В. Малько, согласно которой можно выделить два главных принципа, или две стороны сущности, правового государства: социальный аспект — полноценное обеспечение прав и свобод человека; формально-юридический аспект — наиболее последовательное ограничение при помощи права политической власти для того, чтобы исключить всевозможные злоупотребления⁹.

Эти принципы, безусловно, взаимосвязаны и должны быть реализованы в системном единстве. Если же рассматривать их автономно, то неизбежно проявление существенных недостатков такого подхода. Без формально-юридического аспекта идея о верховенстве прав человека очевидно будет носить больше декларативный характер; сложно сказать, как же добиться их неукоснительного соблюдения и полноценного обеспечения государством. Если же требование о связанности власти правом рассматривать в отрыве от социального аспекта, тогда неизбежно возникают вопросы: в чем смысл этих ограничений? где их рамки? нужны ли они вообще? Ведь можно так ограничить, связать государство, что оно вообще не в состоянии будет выполнять свои функции¹⁰.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: в правовом государстве связанность власти законодательными предписаниями не может и не должна быть самоцелью, такое ограничение необходимо для полноценного обеспечения прав и свобод гражданина. При таком подходе исключается возможность произвола со стороны власти, злоупотребления своими полномочиями: само государство реально признает высшую ценность прав человека, признает их приоритет. Недаром некоторые ученые оперируют понятием «социальное правовое государство» и определяют в качестве

первостепенной задачу обеспечения всей системы прав человека и достойной жизни общества¹¹. Тем самым создается благоприятная правовая среда для полноценного воплощения в жизнь творческого потенциала личности, для ее активного, инициативного поведения.

Вместе с тем при всех достоинствах рассматриваемой модели правового государства можно выделить достаточно существенный ее недостаток. Дело в том, что даже наличие максимально широкого спектра возможностей для реализации личностью своих прав и свобод не гарантирует возникновения желания, стремления их реального воплощения в жизнь, не является залогом инициативного, ответственного правового поведения граждан. Иными словами, самоограничение государства во имя прав человека высвобождает, так сказать, правовую энергию для соответствующего развития индивидуума, его правовой эволюции, но захочет ли он использовать этот своеобразный ресурс, воплотить его в жизнь — большой вопрос.

Как видим, в исследуемой модели правового государства основное внимание уделяется построению надлежащей легальной инфраструктуры для полноценной правовой обеспеченности гражданина и общества в целом, но при этом сам человек, его воля, желания остаются как бы за кадром. Отсюда и возможные негативные последствия. Например, вряд ли такой подход способен существенно помочь в борьбе с правовым нигилизмом в современном обществе.

Поэтому предлагаем ввести еще одну существенную характеристику правового государства: его граждане *самоидентифицируют, осознают себя субъектами, носителями позитивной юридической ответственности*. Это добровольное следование правовым нормам, инициативная, активная реализация и защита своих прав и свобод, а в более широком смысле — исполнение лицом своего гражданского долга, ответственное, добросовестное его поведение и отношение к делу, это ответственность человека перед самим собой, своей семьей и окружающими¹². Еще великий российский правовед и

⁸ Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб., 1909. С. 398.

⁹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Sarbrücken : LAP Lambert, 2012. С. 335.

¹⁰ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Юрист, 2009. С. 139.

¹¹ Лукашева Е. А. Права человека и правовое социальное государство в России. М. : Норма, Инфра-М, 2014. С. 8.

¹² Следует сразу оговориться, что проблеме позитивной ответственности уделяется большое внимание в социологии, в социальной философии, соответственно, в настоящей работе акцент делается на юриди-

философ И. А. Ильин, размышляя над чувством ответственности, различал предварительную и последующую ответственность и писал о том, что предварительная ответственность — это «живое чувство предстояния и призванности и в то же время — живая воля к совершенству»¹³. Как видим, в феномене ответственности и, соответственно, в позитивной юридической ответственности огромное значение имеет волевой, мотивационный аспект, желание гражданина внести свой вклад в развитие правовой жизни общества и государства. А для выполнения этой задачи ему, конечно же, необходим соответствующий легальный инструментарий, вышеупомянутая правовая инфраструктура, обеспечиваемые государством.

Полагаем, что при предложенном подходе идея правового государства может быть представлена наиболее полно. При этом повышаются гарантии ее действительного воплощения в жизнь, становится возможным реальное достижение баланса в отношениях государства, общества и личности.

Вместе с тем очевидна необходимость внятного определения, так сказать, побудительных начал позитивной юридической ответственности. Важно ответить на вопрос, откуда вообще возьмется желание человека быть ее носителем. Для этого остановимся на понятии позитивной юридической ответственности более подробно. Выявление сущностных характеристик этого феномена, ответ на принципиальный вопрос о его праве на существование давно уже привлекает внимание ученых-юристов, да и сегодня этот научный дискурс не потерял своей актуальности.

В соответствии с достаточно распространенной в доктрине точкой зрения юридическая ответственность включает два аспекта: позитивный и негативный. Последний представляет собой ответственность за уже совершенное правонарушение. Как отмечал М. С. Строгович,

в случае невыполнения лицом возложенной на него законом обязанности «наступает ответственность в ее, так сказать, негативном значении — принуждение, взыскание, наказание»¹⁴. Позитивная юридическая ответственность, наоборот, не является принудительной, она постоянна и имеет добровольный характер. Н. И. Матузов писал, что это «глубоко осознанная ответственность личности за свое поведение в настоящем и будущем»¹⁵. При этом негативная ответственность связана с прошлыми событиями, она ретроспективна и наступает тогда, когда не подействовала позитивная юридическая ответственность, обращенная к настоящему и будущему (перспективная или проспективная). Такой подход достаточно прочно закрепился в юридической науке и нашел свое отражение в том числе и в авторитетной учебной литературе¹⁶.

Не менее популярна и противоположная точка зрения, согласно которой сложно или вообще невозможно найти место для позитивной ответственности как в структуре юридической ответственности, так и в правовой плоскости в целом. Основная идея здесь в следующем: юридическая ответственность всегда ретроспективна — это исключительно ответственность за прошлое, то есть за уже совершенное правонарушение¹⁷. Акцент делается на ее карательно-принудительном предназначении. При этом О. Э. Лейст указывал на невозможность определить юридические свойства позитивной ответственности, «чем-либо отличающиеся от известных понятий “обязанность”, “правомерное поведение”, “правосубъектность”, “деликтоспособность”, “выполнение обязательств”»¹⁸. Сходную позицию занимает и В. В. Мальцев, отмечая, что разнообразные концепции позитивной ответственности, по сути, сводятся к таким правовым категориям, как «обязанность», «правомерное поведение», «осознание права»¹⁹. А по мнению Д. Е. Захарова, позитивная

ческой составляющей данного явления, то есть оно исследуется здесь преимущественно в правовом преломлении.

¹³ Ильин И. А. Путь к очевидности. Мюнхен, 1957. С. 20.

¹⁴ Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 73.

¹⁵ Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 208.

¹⁶ Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 471–473.

¹⁷ Самощенко И. С., Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 43.

¹⁸ Лейст О. Э. Методологические проблемы юридической ответственности. Проблемы теории государства и права. М., 1999. С. 479.

¹⁹ Мальцев В. В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 6. С. 152–155.

ответственность вообще находится вне сферы правового воздействия, она обеспечивается моральными нормами и обращена «не к правовым категориям и явлениям, а представляется осознанием долга, ответственности перед обществом, государством, самим собой»²⁰.

В рамках обозначенной дискуссии большой научный интерес, по нашему мнению, вызывает предложенный А. В. Малько, Д. А. Липинским и Р. С. Маркуниным подход, который позволяет абстрагироваться от сугубо юридического содержания проблемы и посмотреть на нее в более широком ракурсе. Суть его в следующем.

Юридическая ответственность представляет собой разновидность ответственности социальной. Между ними есть прочная взаимосвязь, игнорировать которую не следует. Социальная и юридическая ответственность находятся в соотношении рода и вида²¹.

При этом наличие позитивной, перспективной составляющей в структуре родового явления каких-то возражений или жарких дискуссий не вызывает. Более того, в качестве общепризнанной сущностной характеристики социальной ответственности на первый план выступает именно позитивный ее аспект — ответственность субъекта общественных отношений за настоящие и будущие поступки. В первую очередь от него и зависит собственное совершенствование, а во многом и развитие общества в целом. Еще И. Кант отмечал, что «человек ответственен за человечество в своем лице»²². Социальная ответственность за будущие действия словно пронизывает общественные отношения. Негативный же ее аспект выступает следствием отсутствия у лица позитивной ответственности, это уже проявление безответственного поведения²³.

Таким образом, признавая в содержании социальной ответственности (родовая категория) наряду с негативным и позитивный аспект, следует согласиться с существованием последнего и в структуре юридической ответственности

(видовая категория). Как раз по этому поводу Д. А. Липинский отмечал, что «признаки, отмеченные у определенного рода явлений в общем понятии, обязательно имеются и у специфических явлений данного класса»²⁴.

Ясно, что это отнюдь не исключает и даже предполагает наличие у позитивного компонента юридической ответственности каких-либо собственных, уникальных сущностных характеристик. В свою очередь, в качестве самой важной из них предлагаем определить следующую: связь этого феномена с правовой сферой заключается в том, что позитивная юридическая ответственность представляет собой форму воплощения в жизнь развитого, зрелого правосознания личности.

Каким же образом обыденное правосознание, представляя собой первичный и поэтому во многом незрелый его уровень, превращается в правосознание *развитое*? В числе ключевых факторов, благотворно воздействующих на этот процесс, несомненно, следует отметить правовое воспитание граждан и повышение их правовой культуры. Причем здесь значима не только роль правового государства в целом, но и индивидуальная работа каждого. В свое время И. А. Ильин отмечал, что «правосознание покоится всецело на чувстве собственного духовного достоинства», называл последнее глубоким корнем правосознания²⁵. При этом осознать и развить духовное достоинство можно, лишь на деле убедившись в «своей способности к восприятию и осуществлению объективной, высшей ценности»²⁶. Можно ли к таким объективным, высшим ценностям причислить связанные с позитивной ответственностью феномены: совесть, справедливость, чувство долга, добросовестное отношение к делу, ответственность человека перед самим собой и перед обществом? Данный вопрос представляется нам риторическим.

Таким образом, в отношении юридической ответственности можно выделить, условно го-

²⁰ Захаров Д. Е. О позитивной юридической ответственности // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 51–52.

²¹ Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 14.

²² Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4. С. 448.

²³ Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Указ. соч. С. 9.

²⁴ Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 45.

²⁵ Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарог, 1993. С. 151.

²⁶ Ильин И. А. О сущности правосознания. С. 149.

вора, две траектории ее воплощения в жизнь. Отправной точкой здесь будет выступать обыденное правосознание.

Вариант первый. Путем повышения правовой культуры человека, его правового воспитания и совершенствования духовного достоинства личности формируется развитое, зрелое правосознание. На эту основу и опирается позитивная ответственность гражданина. В рамках юридической ответственности последняя активна, перманентна, негативная составляющая при этом приобретает пассивный характер, отходит на второй план. В результате мы получаем реальную движущую силу в деле построения правового государства.

Вариант второй. Без активной работы в сфере правового воспитания и развития духовного достоинства личности, без должного уровня правовой культуры правосознание вполне может быть неразвитым, подвергнуться при этом различным деформациям. В этом нет ничего удивительного, ведь обыденное правосознание формируется под влиянием окружения человека, его повседневной жизни. И здесь зачастую мы имеем дело, так сказать, с питательной средой для вызревания правового нигилизма или, наоборот, правового идеализма в мировоззренческой культуре личности. В результате можно прийти и к преступному правосознанию, что в конечном счете неизбежно повлечет совершение правонарушения. Лицо понесет должное наказание за содеянное — сработает негативный компонент юридической ответственности. Позитивная же ее составляющая изначально была и остается пассивной в силу неразвитости, незрелости правосознания.

Подведем промежуточный итог. Представляется, что существенно снизить градус соответствующей научной дискуссии позволяет предложенный выше подход к пониманию позитивной юридической ответственности. Полагаем, что ее нельзя отрывать от права: это движущая сила для добросовестных участников правоотношений, это одно из ключевых оснований для принятия лицом решений в правовой сфере. С другой стороны, важна и бесспорна выделяемая многими учеными морально-нравственная природа позитивной юридической ответственности. Противоречия здесь нет, так как, по нашему

мнению, к правовой плоскости последняя привязана через правосознание, опирается здесь на него. Именно правосознание, во многом благодаря важнейшей своей составляющей — правовой психологии, как раз и способно объять такие феномены, как совесть, справедливость, чувство долга, ответственность и прочие категории морально-нравственного характера.

Очень важным представляется отметить, что поиск надежных доктринальных оснований правового государства и, соответственно, исследование феномена позитивной юридической ответственности, помимо большой теоретической важности, могут иметь совершенно конкретное и существенное практическое значение. Это вопросы, отнюдь не оторванные от реальности. Приведем пример.

Позитивная юридическая ответственность гражданина только тогда имеет смысл и дает реальный эффект, когда она действительно востребована в правовой сфере и ценится здесь самим государством, когда юридические взаимоотношения государства и личности строятся на началах справедливости. По большому счету это и есть суть правового государства.

Наибольшую значимость вопрос эффективности такой коммуникации и, соответственно, сам вопрос о справедливости приобретает в сфере действия судебной власти — при разрешении правовых споров. Это особенно чувствуется в уголовном судопроизводстве, ведь, как писал еще И. Я. Фойницкий, при отправлении правосудия по уголовным делам разрешаются «вопросы о наиболее важных благах общества и личности»²⁷. То есть речь идет о деяниях, представляющих опасность для всего социума, соответственно, в уголовном процессе зачастую на кон поставлена и свобода обвиняемых в них граждан.

В Конституции РФ закреплена важнейшая процессуальная гарантия защиты права обвиняемого на жизнь — возможность рассмотрения его дела с участием присяжных заседателей (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ). Это позволяет говорить о том, что на конституционном уровне суд с участием присяжных заседателей провозглашается наилучшей формой судопроизводства в случаях, когда обвиняемому грозит максимальное строгое наказание²⁸.

²⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. Т. 1. С. 8.

²⁸ Притом что в нашем государстве смертная казнь не назначается, указанная норма подчеркивает значимость суда присяжных в качестве эффективного средства разрешения наиболее опасных правовых конфликтов.

Следует отметить, что и федеральный законодатель признает особое значение суда присяжных: если хотя бы один из обвиняемых выбирает эту модель суда, то дело рассматривается в данной форме судопроизводства даже при несогласии с этим остальных обвиняемых²⁹ (п. 1, ч. 5 ст. 217, ч. 2 ст. 325 УПК РФ). То есть суд присяжных имеет приоритет перед общим порядком производства по уголовному делу. Очень точно по этому поводу выразился М. И. Клеандров, отмечая, что участие граждан в судебных делах «будет, безусловно, способствовать более справедливому правосудию, чем без них»³⁰.

При всей важности максимального обеспечения гарантий справедливого правосудия следует посмотреть на миссию присяжных и в более широком ракурсе. В результате системного толкования соответствующих положений Конституции РФ (ч. 1, 2 ст. 3, ч. 1, 5 ст. 32) можно сделать следующий вывод. Российский народ является единственным источником власти в стране и может осуществлять ее в том числе путем участия в отправлении правосудия. Тем самым реализуется конституционное право граждан участвовать в управлении делами государства. При этом только в суде присяжных обеспечивается непосредственное участие населения в отправлении правосудия. Государство доверяет присяжным заседателям самостоятельно разрешить вопросы о доказанности совершения деяния обвиняемым и о его виновности. По общему правилу вердикт коллегии обязателен для председательствующего судьи (ст. 348 УПК РФ). Поэтому именно в суде присяжных реализуется непосредственное, самостоятельное участие российских граждан в отправлении правосудия, и, соответственно, мы получаем уникальную форму непосредственного участия народа в управлении делами государства³¹. Представляется, что перед нами пример народной демократии в полном смысле этого слова.

Таким образом, можно смело заявить, что суд с участием присяжных заседателей может играть роль одной из важнейших социальных опор не только российской судебной власти, но и правового, демократического государства в целом. Вместе с тем на практике дела обстоят не столь оптимистично. Одним из основных препятствий в реализации предложенного подхода к пониманию смысла и значимости этого института является часто встречающееся нежелание российских граждан выполнять миссию присяжных заседателей.

Представители судейского сообщества давно уже бьют тревогу по этому поводу: чтобы обеспечить явку в суд хотя бы 30 человек для последующего формирования коллегии присяжных заседателей, приходится рассылать порядка тысячи повесток. Да и явившиеся граждане — это зачастую домохозяйки, пенсионеры и безработные³².

Получается, что далеко не каждый гражданин стремится реализовать свое конституционное право участвовать в отправлении правосудия. При таком положении дел суд присяжных не наполняется тем должным социальным содержанием, которое позволило бы называть его судом «общественной совести»³³, говорить о выражении в вердикте присяжных мнения всего общества и о полноценном учете требований социальной справедливости. Соответственно, и эффективность этого важнейшего института под угрозой, его потенциал далеко не раскрыт. Полагаем, что только развитое правосознание и, соответственно, позитивная юридическая ответственность гражданина могут побудить его к выполнению этой высокой миссии, выступить здесь искомой движущей силой.

Приведенный пример показателен тем, что решение проблемы, напрямую связанной с уголовно-процессуальным институтом, лежит далеко за рамками уголовного судопроизводства. Представляется, что именно развитое, зрелое правосознание личности и сформированная на

²⁹ Естественно, когда невозможно выделить уголовное дело в отношении несогласных на суд присяжных обвиняемых в отдельное производство.

³⁰ Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 16.

³¹ Ляхов Ю. А., Малина М. А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 130–138.

³² Интервью с судьей областного суда Еврейской автономной области В. В. Ласкаржевским // URL: <https://primamedia.ru/news/499854/?frp=aHR0cHM6Ly9wcmltYW1lZGlhLnJ1L25ld3MvNDk5ODU0Lw--&instream=> (дата обращения: 19.03.2023).

³³ Джаншиев Г. Суд над судом присяжных. М. : Рассвет, 1896. С. 3–4.

этой основе ее позитивная юридическая ответственность смогут наилучшим образом исправить рассмотренную в приведенном примере ситуацию и в целом выступят в качестве одной из важнейших несущих конструкций российского правового государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов М. В. Об определении понятия «правовое государство» // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2010. — № 3. — С. 132–133.
2. Воротилин Е. А. Идеи правового государства в истории политической мысли. — М., 1993. — 311 с.
3. Джаншиев Г. Суд над судом присяжных. — М., 1896. — 181 с.
4. Захаров Д. Е. О позитивной юридической ответственности // Российское право: образование, практика, наука. — 2018. — № 4. — С. 46–55.
5. Ильин И. А. О сущности правосознания. — М. : Парогъ, 1993. — 235 с.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности. — Мюнхен, 1957. — 155 с.
7. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4. — М. : Мысль, 1965. — 544 с.
8. Клеандров М. И. О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. — 2021. — № 3. — С. 7–23.
9. Лейст О. Э. Методологические проблемы юридической ответственности. Проблемы теории государства и права. — М., 1999.
10. Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. — 2014. — № 6. — С. 37–51.
11. Лукашева Е. А. Права человека и правовое социальное государство в России. — М. : Норма, Инфра-М, 2014. — 400 с.
12. Ляхов Ю. А., Малина М. А. Сущность конституционного права гражданина на участие в отправлении правосудия // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2019. — № 1. — С. 130–138.
13. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. — Sarbrücken : LAP Lambert, 2012. — 363 с.
14. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2020. — № 4. — С. 4–24.
15. Мальцев В. В. Социальная ответственность личности, уголовное право и уголовная ответственность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2000. — № 6. — С. 152–169.
16. Матузов Н. И. Правовая система и личность. — Саратов, 1987. — 293 с.
17. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. — М. : Юрист, 2009. — 541 с.
18. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. — М., 1999. — 552 с.
19. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. — М. : Мысль, 1990–1994. — 830 с.
20. Самощенко И. С., Фарукишин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. — М., 1971. — 240 с.
21. Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. — 1979. — № 5. — С. 72–78.
22. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. — СПб. : Альфа, 1996. — 552 с.
23. Эсмен А. Общие основания конституционного права. — СПб., 1909. — 464 с.
24. Waldron J. The Concept and the rule of Law // Georgia Law Review. — 2008. — Vol. 43. — No. 1. — P. 3–61.

Материал поступил в редакцию 22 марта 2023 г.

REFERENCES

1. Antonov MV. Ob opredelenii ponyatiya «pravovoe gosudarstvo» [Definition of the concept of «rule of law»]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2014;3:132-133. (In Russ.).
2. Vorotilin EA. Idei pravovogo gosudarstva v istorii politicheskoy mysli [Ideas of the rule of law in the history of political thought]. Moscow; 1993. (In Russ.).
3. Dzhanshiev G. Sud nad sudom prisyazhnykh [Trial by jury]. Moscow; 1896. (In Russ.).
4. Zakharov DE. O pozitivnoy yuridicheskoy otvetstvennosti [On positive legal responsibility]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: Education, practice, science]. 2018;4:46-55. (In Russ.).
5. Ilin IA. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. Moscow: Rarog Publ.; 1993. (In Russ.).
6. Ilin IA. Put k ochevidnosti [The path to evidence]. Munich; 1957. (In Russ.).
7. Kant I. Sochineniya: v 6 t. [Works in 6 volumes]. Vol. 4. Moscow: Mysl; 1965. (In Russ.).
8. Kleandrov MI. O napravleniyakh sovershenstvovaniya mekhanizma sudebnoy vlasti v obespechenii spravedlivosti pravosudiya [On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring the fairness of justice]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2021;3:7-11. (In Russ.).
9. Leist OE. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy otvetstvennosti. Problemy teorii gosudarstva i prava [Methodological problems of legal responsibility. Problems of Theory of State and Law]. Moscow; 1999. 479. (In Russ.).
10. Lipinskiy DA. Kontseptsii pozitivnoy yuridicheskoy otvetstvennosti v otechestvennoy yurisprudentsii [Concepts of positive legal responsibility in Russian jurisprudence]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava* [Journal of Russian Law]. 2014;6:37-51. (In Russ.).
11. Lukasheva EA. Prava cheloveka i pravovoe sotsialnoe gosudarstvo v Rossii [Human rights and the legal welfare state in Russia]. Moscow: Norma Publ.; 2014. (In Russ.).
12. Lyakhov YuA, Malina MA. Sushchnost konstitutsionnogo prava grazhdanina na uchastie v otpravlenii pravosudiya [The essence of the constitutional right of a citizen to participate in the administration of justice]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasus Legal Vestnik]. 2019;1:130-138. (In Russ.).
13. Malko AV. Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyy aspekt [Incentives and restrictions in law: Theoretical and informational aspect]. Sarbruken: LAP Lambert; 2012. (In Russ.).
14. Malko AV, Lipinskiy DA, Markunin RS. Yuridicheskaya otvetstvennost kak sredstvo preduprezhdeniya pravonarusheniy: aktualnye problemy [Legal responsibility as a means of preventing offenses: Topical problems]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2020;4:4-6. (In Russ.).
15. Maltsev VV. Sotsialnaya otvetstvennost lichnosti, ugovolnoe pravo i ugovolnaya otvetstvennost [Social responsibility of the individual, criminal law and criminal responsibility]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence]. 2000;6:152-169. (In Russ.).
16. Matuzov NI. Pravovaya sistema i lichnost [The legal system and personality]. Saratov; 1987. (In Russ.).
17. Matuzov NI, Malko AV. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist Publ.; 2009. (In Russ.).
18. Nersesyants VS. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva [General theory of law and the state]. Moscow; 1999. (In Russ.).
19. Plato. Sobranie sochineniy: v 4 t. [Collection of works in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Mysl Publ.; 1990–1994. (In Russ.).
20. Samoshchenko IS, Farukshin MKh. Otvetstvennost po sovetскому zakonodatelstvu [Responsibility under Soviet law]. Moscow; 1971. (In Russ.).
21. Strogovich MS. Sushchnost yuridicheskoy otvetstvennosti [The essence of legal responsibility]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [The Soviet State and Law]. 1979;5:72-78. (In Russ.).
22. Foynitskiy IYa. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva [The course of the criminal proceedings]. Vol. 1. St. Petersburg: Alfa Publ.; 1996. (In Russ.).
23. Esmen A. Obshchie osnovaniya konstitutsionnogo prava [General grounds of constitutional law]. St. Petersburg; 1909. (In Russ.).
24. Waldron J. The Concept and the rule of Law. *Georgia Law Review*. 2008;(2):6.